

УДК 81-112.2

О КАТЕГОРИАЛЬНОМ СТАТУСЕ СЛОВА *ЛЮБО*
В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ¹

© 2012 г.

Л.Ф. Килина

Удмуртский государственный университет

kilin_74@mail.ru

Поступила в редакцию 25.10.2011

В статье поднимается вопрос о взаимодействии семантических и грамматических факторов при формировании грамматических категорий. На примере употребления слова *любо* в древнерусских текстах рассматривается, каким образом синтагматические связи и контекст определяют грамматические свойства языковой единицы. Доказывается тезис о существовании семантико-грамматического синкретизма в древнерусском языке.

Ключевые слова: грамматическая категория, грамматическая семантика, предикативная функция, категория состояния, древнерусский, синкретизм, контекст.

Несмотря на большое количество исследований, посвященных историческому развитию грамматических категорий в русском языке, существуют проблемы, которые не решены окончательно. В том числе остается неясным, каким образом при становлении той или иной части речи взаимодействовали семантические и грамматические факторы, а то, что такое взаимодействие имело место, уже не вызывает сомнений: не случайно В.В. Колесов определяет часть речи как лексико-грамматическую категорию, «которая формируется в речевом контексте» [1, с. 21]. Рассматривая ту или иную категорию, в том числе и в диахроническом аспекте, необходимо помнить, что «функционально-грамматическая категория языка есть единство формы и смысла – содержательная форма, форма как значение – и изучается морфологией, которая понимается как грамматическое учение о слове» [1, с. 208]. С этим тезисом трудно не согласиться, тем более что сейчас появляется все больше исследований, в которых подтверждается мысль о существовании грамматической семантики как научного направления (см., например, [2, 3 и др.]).

В данной работе мы поставили перед собой задачу определить специфику функционирова-

ния слова *любо* в древнерусских текстах. Выбор именно этой языковой единицы обусловлен тем, что она (наряду с другими словами с корнем *люб-*, такими, как *любы* (любовь), *любѣь*, *любнѣти*, *любимѣь* и т.д.) чаще всего является ключевым словом в синтагме.

В первую очередь мы проанализировали словарный материал. Нами были рассмотрены статьи, представленные в следующих словарях: «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля [4], «Словарь русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой [5], «Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)» [6], «Материалы для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского [7], «Словарь русского языка XI–XVII вв.» [8], «Этимологический словарь славянских языков» под редакцией О.Н. Трубачева [9].

В.И. Даль определяет *любо* как наречие, причем приводит примеры, в которых данная языковая единица соотносится с глаголами (глядеть, слушать, видеть, смотреть), и примеры, в которых такого соотношения нет, а *любо* является предикативным центром высказывания: *Любо* нар., [любёшинько, любёшунько *пск. твер.* Опд.] по нраву, нравно, приятно, угодно, пригоже; утешительно, весело. *Любо* *глядеть*, как хорошо они живут. *Соловушку* *любо* *слушать*. // Стар. *либо*. *Любо-дорого*, прекрасно. *Нет* *того* *любее*, как люди людям *любы*. *Любо-дорого* *смотреть*. *Любо* *видеть*, как девка с парнем *идет*. *Любо*, *кумушка*, *сиди*, а *нелюбо*, *поди*¹ [4].

В словаре под редакцией А.П. Евгеньевой указывается, что *любо* является сказуемым в

¹ Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 14.B37.21.0095 «Когнитивные исследования национальной концептосферы: язык, текст, культура».

Funding

The study was supported by The Ministry of education and science of Russia, project № 14.B37.21.0095.

безличном предложении: **Любо**, безл. в знач. сказ., с неопр. разг. 'по душе, приятно, нравится'. *Любо посмотреть на бравого молодца: глаза горят отвагой*. Фурманов, Красный десант [5].

В словаре О.Н. Трубачева читаем²: *l'ubo: ст.-слав. **любо**, с. и част. *хѣв-хѣв, ѣ-ѣ, etsi-etsi, etiamsi-etiamsi, vel-vel, aut-aut* 'ли-или, или-или, либо-либо', **къто любо** *ѡстѣс...quisquam* 'кто ни, кто-либо', также **либо**...др.-русс., русск.-цслав. **любо**, с. и част. 'или', с мест. **кто любо, гдѣ любо, либо**, с. 'если', част. '-либо', напр. кто-либо, русск. либо, с. 'или', диал. **любо**, с. 'либо, или', либо, част. вопрос. 'разве', с оттенком предположения 'может быть, пожалуй' [9]. Этимология не рассматривается, так как представлена в словарной статье глагола **любити** и прилагательного **любѣ**, наречие **любо** обнаруживаем именно в словарной статье прилагательного: *l'ubъ(ь): ст.сл. **любѣ**, -**и**, прилаг. ...'милый, приятный', **любо**, нареч. *libet* 'угодно'... А также: «Продолжает и.-е. *leubhos с близкой исходной семантикой, ср. полное соответствие в герм.: гот. *liufs*, др.-в.-нем. *liob* 'милый, дорогой'» [9].

Итак, в данном словаре указано, что *l'ubo (ст.сл. **любо**) – союз и частица (см. выше), там же читаем: «Ранняя грамматикализация наречия *l'ubo (см. *l'ubъ)» [9]. Таким образом, здесь утверждается, что союз и частица возникли на базе наречия, а то, в свою очередь, на базе прилагательного.

В словаре И.И. Срезневского не обнаруживаем грамматической характеристики указанной языковой единицы, в «Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.)» и «Словаре русского языка XI–XVII вв.» представлена попытка грамматической специализации данного слова, а именно в качестве частицы, союза и наречия, в последнем случае актуализируется синтаксическая функция (в роли сказуемого и в значении сказуемого, т.е. предикативная): **Любо** нар. В роли сказ. Нравится, хорошо, угодно: **яко имъ любо тако створать** ЛЛ 1377, 12 (945), **Володимѣроу же не любо вы(с). велнко на врата своего**. ЛИ ок. 1425, 297 (1287) [7]; **Любо**, нареч. в знач. сказ. Нравится кому-л.; хорошо, угодно кому-л. **Яко же в(ог)у любо**. Гр. Наз., 35. XI в. (1196); **Новъгородъ выложиша вси князи въ свободу: кде имъ любо, туже собе князя понимаютъ**. Новг. I лет., 173 [8].

Таким образом, при знакомстве с материалом словарей возникает много вопросов, в том числе и вопрос о категориальном статусе **любо** в древнерусском языке и в современном русском языке. Авторы словарей считают это слово

наречием, от которого, в свою очередь, были образованы союз и частица (в современном русском литературном языке **либо**).

Еще В.В. Виноградов говорил о том, что грамматическая категория части речи определяется совокупностью признаков, в частности, категория наречия – «совокупностью морфологических, синтаксических и семантических признаков» [10, с. 282]. Следует признать справедливость этого суждения и для древнерусского языка, в особенности для того периода, когда происходит в целом грамматическая специализация частей речи и формирование грамматической системы русского языка (XI–XIV вв.). Именно «синтагма, употребление определяли грамматические свойства имени» [11, с. 31], формирование грамматических категорий имен происходило в зависимости от их синтагматических связей и контекста. Значит, при характеристике слова как части речи необходимо учитывать и лексические, и грамматические факторы (с позиции грамматической семантики): лексические и грамматические значения языковых единиц, употребляющихся в контексте, способ выражения субъекта, местоположение в синтагме и т.д.

В связи со сказанным особое внимание следует обратить на тот факт, что и в современных, и в исторических словарях мы находим указание на предикативную функцию **любо**. Судя по данным словарей, в этой функции выступает наречие, которое часто называют предикативным (существуют также термины предикатив, безлично-предикативное слово и др.). Общеизвестно, что впервые в особую часть речи предикативные наречия выделил Л.В. Щерба в работе «О частях речи в русском языке», назвав их **категорией состояния** (наряду с другими группами слов) и дав следующее определение: «... это слова в соединении со связкой, не являющиеся, однако, ни полными прилагательными, ни именительным падежом существительного; они выражаются или неизменяемой формой, или формой существительного с предлогом, или формами с родовыми окончаниями – нуль для мужского рода, -а для женского рода, -о, -э (*искренне*) для среднего рода, - или формой творительного падежа существительных (теряющей тогда свое нормальное, т.е. инструментальное, значение)» [12, с. 76]. Ученый также говорит о том, что «если не признавать наличия в русском языке категории состояния (которую за неимением лучшего термина можно называть предикативным наречием, следуя в этом случае за Овсяннико-Куликовским), то такие слова, как *пора, холодно, навеселе* и т.п., все

же нельзя считать наречиями, и они просто остаются вне категорий» [12, с. 76].

Задаваясь вопросом о том, какой категориальный статус имеет языковая единица в древнерусском языке, мы в каждом конкретном случае должны проанализировать особенности ее функционирования в древнерусском тексте. По мнению многих исследователей, древнерусский язык (речь и система), в отличие от современного, «синкретичен и синтагматичен» [11, с. 29], а значит, древнерусский текст состоял из синкретичных составляющих [13, с. 152-153]. Следовательно, анализируя древнерусский текст, нужно учитывать, что он «представляет собой «парадигму»-образец, устойчивое словосочетание с постоянной и последовательной формой ее компонентов; дискретность (содержательная членимость) текста осуществляется на уровне словесной формулы, а не отдельного слова (точнее, словоформы), и тем более не морфемы, которая не выделяется средневековым сознанием как самостоятельная часть слова» [1, с. 24]. Иначе говоря, основной единицей средневекового текста являлась традиционная формула-синтагма, а целостность текста определялась степенью цельности формул и их соотносительностью друг с другом [1, с. 609].

В качестве материала для исследования мы выбрали русские летописные тексты. Как справедливо отмечает Н.С. Ковалев, именно в летописях зарождаются многие стилеобразующие тенденции русского языка, в силу того что летописи связаны с двумя системами текстов: с переводными литературными произведениями и устными текстами, функционировавшими в различных сферах жизни восточных славян. Ученый также говорит о взаимодействии разносистемных языковых единиц в микротекстах летописи, что становится «импульсом для преобразования традиционных речевых форм и развития новых, достаточно устойчивых в текстах XI—XIII вв. жанрово-стилевых образований» [14, с. 3]. Итак, летописи интересны тем, что их жанровая неоднородность способствовала различного рода трансформациям языковых форм.

Рассмотрим контексты «Повести временных лет» (ПВЛ) по Лаврентьевскому списку, в которых **любо** выступает в предикативной функции.

1) напишемъ ко князю вашему яко имъ **любо** тако створатъ (12);

2) ре^ч Стославъ къ мтри своен и къ болгаромъ своимъ не **любо** ми есть в Киевѣ быти (20);

3) емъ вѣ не **любо** обрѣзанье оудовъ (27 об.);

4) се же послѣже придоша Грьци хулаше вси законы свои же хулаше и много гаша сказующе ѿ начала миру ѡ бытии всего мира сѣтъ же хитро сказующе и чудно слышати и^х **любо** комуждо слѣшати и^х (36 об.);

5) ѿвѣщавъ же Володимеръ ре^ч идемъ крщные приимемъ ѡни же рекоша гдѣ ти **любо** (37 об.);

6) есть ми **любо** вѣра ваш^а и служенье (38);

7) ѡни послушавше кго ѿступивше мало къ цркви сдумавше послаша брата два гаше сице кгоже изволитъ Бъ и твоя чѣтная мтва кго же тобѣ **любо** того нарци (63);

8) Феодосии же ре^ч имъ да аще ѿ мене хощете игумена пріяти то азъ створю ва^м не по своимъ изволеню но по Бжью строеню и наре^ч имъ Иякова презвитера братьи же не**любо** вы^с гаше яко не здѣ ксть постриганъ (63);

9) рцѣмъ велегл^но праведенъ кси Г^си и правн сѣди твои рцѣмъ по ѡному разбоинику мы достойная яже сдѣяхомъ прияхомъ рцѣмъ и со Ивомъ яко Г^сви **любо** вы^с тако и вы^с (74 об.);

10) и тогда послаша слы своя к Володареви и к Василкови поими брата своего Василя к собѣ и буди ва^м кдина власть Перемышль да аще **любо** да сѣдита аще ли ни да пѣсти Василя сѣмо да кго корми^м сдѣ а холопы наша выданта и смерды (92 об.).

Конкретное указание на объект находим лишь в примерах (3), (6) и (7), где объект или явление, которые нравятся (не нравятся), обозначены именем существительным и местоимением. В примерах (2) и (4) **любо** функционирует в контексте с глаголами (**быти** и **слѣшати**), репрезентирующими действие, которое нравится (не нравится) осуществлять. В остальных же случаях (что составляет половину выбранных нами контекстов) вообще не находим никаких конкретизаторов, именно в этих примерах актуализируется только состояние, в котором пребывает субъект.

Во всех случаях интересующее нас слово в контексте выступает с именем существительным или местоимением в дательном падеже (в нашем тексте чаще с местоимением), в последнем примере местоимение удалено от **любо**, но все же явно соотносится с ним, следовательно, мы можем сопоставить приведенные конструкции с современными типа *мне (тебе, ей, им и т.д.) нравится, угодно*. Не вызывает никаких сомнений предикативная функция **любо** в данных примерах, и если для обозначения состояния в прошлом связка, безусловно, важна, то для обозначения состояния в настоящем — уже нет.

Итак, вопрос о категориальном статусе *любо* может быть решен следующим образом: данную языковую единицу, представленную в словарях как наречие или наречие в значении сказуемого, следует отнести к особой группе слов, которую Л.В. Щерба назвал категорией состояния. Конечно, в интересующий нас период развития русского языка данная категория еще только формируется (по мнению Л.В. Щербы, ее формирование продолжалось и в рассматриваемый им период). В современной науке такие слова также трактуются неоднозначно, но, на наш взгляд, их целесообразно включать в особую грамматическую группу в связи с особой синтаксической функцией и значением, а все остальное лишь вопрос терминологии.

В предикативной функции в древнерусском языке могло выступать также и прилагательное *любъ* (*любви*), которое, согласно данным словарей, имело значение 'любимый; вызывающий глубокий интерес, привлекающий; нравящийся, приятный, угодный', например: *Сноу мон любви (ауапте)* (Изб. 1076, 112), *сега ради въспоминаемъ вамъ любви яко не подобаетъ намъ прѣпость имати сыномъ* (СбТр XII/XIII, 145), *аки болашимъ очима. Свѣтъ печаль а тма любя* (МПр XIV, 22 об.), *любя є(с) доброта но єг(д)а имать оумъ ч(с)ть* (Мен к. XIV, 187 об.), *которая ємѹ волость любя. Тѹ же вы възалъ* (ЛИ ок. 1425, 137 об.) [6].

Очевидно, что в последних трех словарных примерах прилагательное выступает в предикативной функции (ср.: доброта приятна или угодна), и во всех случаях наблюдаем согласование прилагательного и существительного.

Полная форма прилагательного в русском языке выходит из употребления и заменяется прилагательным *любимый*, краткая сохраняется в функции сказуемого: *люб*, -а, -о в знач. сказ., устар. и народно-поэт. 'мил, дорог; нравится': *Ты люб мне, я другого Хозяина себе и не желаю*. А. Островский, Козьма Захарыч Минин, Сухорук (1-я редакция) [5]. Кроме того, в диалектной речи функционируют также имена существительные *любъ*, *люба* ('кого я избрал или облюбовал, полюбил, друг, подруга, милый'): *люба*, -ы, ж. Народно-поэт. 'возлюбленная': *Слышь ты, Ганна, любя моя*. Серафимович, Отрезанный ломоть [5].

Приведенные словарные примеры следует сопоставить с примерами из ПВЛ, где отмечаем прилагательное *люба* в сочетании с существительным *рѣчь* (в составе формулы (*быти*) *люба рѣчь*):

1) *рѣ же имъ Шльга любя ми єсть рѣчь ваша* (15);

2) *люба вы рѣчь си дръжинѣ* (22);

3) *вы любя рѣ князю и всѣмъ людемъ* (36 об.).

В этом же ряду рассматриваем и следующий пример: *и воротитса Володимеръ то вда ти котори ти городъ любъ любо Всеволожь любо Шполь любо Перемиль* (89 об.).

Таким образом, не вызывает сомнения, что и прилагательное *любъ*, и традиционно определяемое как наречие *любо* в древнерусском языке могли выступать в предикативной функции, однако первое являлось предикатом зависимым, а второе – независимым (отсутствует согласование).

Учитывая мнение о синкретичности древнего мышления, и как следствие о синкретичности древнего текста, рядом исследователей была выдвинута гипотеза о выделении «существительных и прилагательных как обособленных классов слов из прежде нерасчлененной категории имени в процессе их синтаксической, словообразовательной и семантико-понятийной специализации» [11, с. 10]. Можно предположить, что, выделившись из первичного нерасчлененного имени, *любо* рано попадает в позицию независимого грамматического члена и начинает функционировать как слово категории состояния, либо происходит его ранняя грамматикализация в независимой позиции предикативного центра (на базе наречия *любо*). На сегодняшний день мы больше склоняемся к первому варианту, хотя второй тоже не исключаем.

В исторических словарях обнаруживаем также толкование *любо* как 'может быть', причем в [6] лишь указано «в роли вводного слова», в [8] это уже частица, а пример употребления один и тот же: *Сынѹ мон Юри, не ходи самъ с Литвою, убилъ я княза ихъ Воишелка: любо восхотѣть мьсть створити*. Ип. л. 6791 г. В словарях находим указание и на то, что: 1) частица употребляется с местоимениями, «придавая им значение неопределенности», например: *Цркви бжи зовѹшти на молтвѹ остави дѣло земльное кое любо и иди на дшевнѹю пиштю*. Изб. Св. 1076 г., 258. (1238) [8]; 2) союз является разделительным, разделительно-перечислительным, уступительным («присоединяет придаточное предложение уступительного характера, соответствует по значению уступительному 'даже', 'хотя'»), по значительным, например: *Любо ими (Давыда), любо прожени и*. Пов. вр. л. 6605 г. [7], *аже кто не вѣдая чюжь холопъ оузрачь... любо дръжить оу себе... то ити кмоу ротѣ*. РПр сп. 1280, 627а [6], *Диаконѹ, любо в санѹ рекъше ѹроцѣ какомъ любо црквь нѣмь єсть ... не*

сѣдати преже попа. Ефр. Корм., 148. XII в. [8]. Союз также может быть двойным, притом трактоваться неоднозначно – **любо си** ‘то есть’ [6] и ‘если даже, хотя бы’ [8], например: **боудеть ли головникъ. нхъ въ вьрви. то зане к нимъ прикладывають, того же дѣла имъ помогати головнику. любо си дикою вироу.** РПр сп. 1280, 616а [6], **Буд(у)ть ли дѣти, то что первоѣ жены, то то возмуть дѣти матери своея; любо си на жену бѣдетъ възложитъ, обаче матери своен возмуть.** Правда Рус. (пр.), 114. XIV–XII в. [8].

В тексте ПВЛ также представлены примеры употребления союза и частицы **любо**. Проанализируем эти контексты, учитывая грамматическую семантику языковых единиц.

Союз **любо** представлен в следующих контекстах:

1) и привожаху к нима сестры своя мотре и жены своя она же в мечтѣ прорѣзавше за плечемъ вѣнимаста **любо** жито **любо** рыбу (59);

2) и рѣша има мужи смыслени почто вы распра имате межн собою а поганин гѣвать землю Рѹсьскю послѣди са оуладита а нонѣ пондита противу погани^м **любо** с миромъ **любо** ратью (73);

3) и посла **Стополкъ** и **Володимеръ** къ **Валгови** гаше сице се ты не шель кси с нама на поганя иже погѣвили сѣть землю Рѹсьскю а се оу тебе есть **Итларевичъ** **любо** ѣвни **любо** и дан нама то есть **ворогъ Рѹсьстѣи** земли (76);

4) княгини же бывши оу **Володимера** приде **Киеву** и повѣда вса рѣчи **Стополку** яко се **Двда** сколота то иди ты **Стополче** на **Двда** **любо** ими **любо** прожени и (89);

5) и воротитса **Володимеръ** то **вда^м** ти которон ти **городъ** **любъ** **любо** **Всеволожъ** **любо** **Шп^оль** **любо** **Перемиль** (89 об.);

6) и посе^м **хот^х** проситса оу **Стополка** и оу **Володимера** ити на **Половци** да **любо** **налѣзю** **совѣ** **славю** а **любо** **голову** **свою** **сложю** за **Рѹсьскю** землю (89 об.);

7) ти бо сѣть **намолвили** **Двда** и **тѣ^х** е **послушалъ** **Двдъ** и **створилъ** **се** **зло** да **еще** **хощете** **за** **си^х** **битиса** да **се** **мы** **готови** а **любо** **данте** **врагы** **наша** (90);

8) и **послаша** **ко** **Валгови** и **Двдвн** **гла** **пондита** на **Повци** да **любо** **бѣде^м** **живи** **любо** **мертви** (93 об.).

В большинстве случаев мы наблюдаем в примерах двойной разделительный союз **любо... любо** (современный **либо... либо**), и лишь

в одном примере союз **а** **любо** ‘или же’. Особенно показателен пример (5), в котором союз употребляется в контексте с прилагательным **любъ**: здесь речь идет о проблеме выбора объекта, который нравится, приятен, угоден, вызывает интерес, привлекает (в данном случае это город), поэтому разделительный союз здесь является актуализатором такого выбора.

Частица **любо** отмечена нами в следующих примерах:

1) **еще** **вбрацють** **Рѹсь** **кубару** **Гречьскю** **въвержену** на **коемъ** **любо** **мѣстѣ** (13);

2) **еще** **оударитъ** **мечемъ** или **копьемъ** или **кацѣмъ** **любо** **врѹжемъ** **Рѹсинъ** **Грѣчина** или **Грѣчинъ** **Рѹсина** (13 об.);

3) **земли** **же** **согрѣшивше** **которѣи** **любо** **казнить** **Бъ** **смертью** ли **гладомъ** ли **наведенъе** **поганыхъ** ли **ведромъ** ли **гѹсѣницею** ли **инѣми** **казньми** (56 об.);

4) **еще** **кто** **коли** **принесаше** **дѣтищъ** **болень** **кацѣмъ** **любо** **недѹго^м** **одержи^м** **принесашу** в **монастырь** ли **сверженъ** **члвкъ** **кацѣ^м** **любо** **недѹгомъ** **вдержи^м** **приходаше** в **монастырь** къ **блжному** **Феодосью** (63 об.-64);

5) и **ввихода** **подлѣ** **бра^тю** **взмая** из **лона** **лѣпокъ** **вержаше** на **кого** **любо** **еще** **принаше** **кому** **цвѣтокъ** в **поущихъ** **Ѡ** **братья** **мало** **постоявъ** и **раславленъ** **оумо^м** **виню** **створь** **какю** **любо** **изидаше** **ис** **цркви** (64).

Как видим, в тексте частица, действительно, употребляется в сочетании с местоимениями, однако можно ли говорить о том, что эта частица придает значение неопределенности местоимению, как это указано в словарях? На наш взгляд, вполне сопоставимы конструкции **гдѣ** **ти** **любо** (37 об.) и **на** **коемъ** **любо** **мѣстѣ** (13): если в первом случае присутствует субъект, который находится в определенном состоянии (где тебе нравится, где тебе угодно), то во втором – этот субъект отсутствует (на каком угодно месте), но первая конструкция легко трансформируется во вторую (**они же** **рекоша** **гдѣ** **любо**, т.е. они же сказали: где угодно, где нравится). Предполагаем, что неопределенное значение этой частицы еще только формируется на том этапе, который отражает наш текст. Можно также предположить, что частица **любо** появляется в результате смещения акцента с субъекта, который делает выбор, а также с процесса выбора, актуализируется в конечном итоге констатация факта осуществления этого выбора: «Во всех преобразованиях древнего корня отражается идея выбора или предпочтения («годится любой», «либо тот, либо этот»)». Как содержа-

ние самого слова отражает идею единения, так и словесный корень постепенно вбирал в себя, соединяя, первоначально совершенно разные со-значения, рассыпанные в различных контекстах» [15, с. 235–237].

Исходя из сказанного выше, делаем следующие выводы:

1) словоформы **ЛЮБО** и **ЛЮБЪ**, выделившись из первичного нерасчлененного имени, могли употребляться в предикативной функции;

2) **ЛЮБО** так и не становится приглагольным определителем (т.е. наречием), так как семантическая нагрузка этой единицы в синтагме способствует формированию предикативного центра именно в этой единице; по этой причине мы склонны считать **ЛЮБО** словом категории состояния, а не наречием;

3) становление грамматических категорий союза и частицы **ЛЮБО** могло происходить параллельно со становлением **ЛЮБО** как категории состояния, а не на базе уже сформировавшейся грамматической единицы.

Проведенное исследование подтверждает мысль о том, что реализация того или иного значения зависит от контекста, синтаксического окружения, а это уже не просто семантика, а грамматическая семантика. Наряду с семантическим синкретизмом имени в древнерусском языке существовал, очевидно, и синкретизм грамматический, разрушение последнего и повлекло за собой образование таких грамматических категорий, как наречие и категория состояния.

Примечания

1. Иллюстративный материал представлен выборочно.

2. Приводится не вся словарная статья, а только интересующие нас фрагменты, греческие примеры даются в упрощенном графическом виде.

Список литературы

1. Колесов В.В. История русского языка: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Изда-

тельский центр «Академия», 2005. 672 с.

2. Кацнельсон С.Д. О грамматической семантике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/katsnelson-86.htm>.

3. Князев Ю.П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007. 704 с. (Studia philologica).

4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / Под ред. проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ. М.: Terra–Книжный клуб, 1998. Т. 2: И–О. 1024 с.

5. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус.яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд.-е., стереотип. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 2. К–О. 1986. 736 с.

6. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. / АН СССР. Ин-т рус.яз.; Гл. ред. Р.И. Аванесов. Т. 4. М.: Рус.яз., 1991. 559 с.

7. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1–3. СПб., 1893–1912. Т.2. 1895. 1802 с.

8. Словарь русского языка XI–XVII вв. / АН СССР; Ин-т рус.яз.; Гл. ред. Ф.П. Филин. Вып. 8. М.: Наука, 1981. 351 с.

9. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Выпуск 15. (**letina* – *lokačь*). М.: Наука. 1988. 264 с.

10. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1972. 614 с.

11. Баранов В.А. Формирование определительных категорий в истории русского языка. Казань: Изд-во Казанского государственного университета, 2003. 390 с.

12. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Академик Л.В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1957. С. 63–85.

13. Колесов В.В. Философия русского слова. Санкт-Петербург: Юна, 2002. 448 с.

14. Ковалев Н.С. Древнерусский летописный текст: принципы образования и факторы эволюции: учебное пособие. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 2001. 180 с.

15. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. В 5-ти кн. Кн. 2. Добро и зло. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2001. 304 с. (Филология и культура).

ON THE CATEGORICAL STATUS OF THE WORD “LYUBO” IN THE OLD RUSSIAN LANGUAGE

L.F. Kilina

We examine the issue of the interaction of semantic and grammatical factors in connection with grammatical categories' organization. The author analyses the way syntagmatic links and context determine grammatical features of a language unit using the example of the word “lyubo” and its use in the Old Russian texts. The paper supports the point of the existence of the semantic and grammatical syncretism in the Old Russian language.

Keywords: grammatical category, grammatical semantics, predicate function, state category, Old Russian, syncretism, context.